

О ШИРОКОМ СМЫСЛЕ И ПРЕДМЕТНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ

Рассматриваются различные измерения широкого смысла политической экономии, определяется состав и строение ее предметного пространства в парадигмальном контексте.

Ключевые слова: *политическая экономия, имя, широкий смысл, предметное пространство, направление, уровень, область.*

Постановка проблемы. Кому-то из мудрецов принадлежит интересная мысль о том, что родившийся ребенок, будучи еще беспомощным и несмышленным, покорно принимает от родителей фамилию и отчество, даже не подозревая об этом. Но свое *имя* он определяет самостоятельно, а родители лишь озвучивают его выбор, будучи абсолютно убежденными в обратном. Впрочем, в философии имени можно встретить великое множество не менее парадоксальных утверждений, неизменно конкурирующих за умы и кошельки. Но что практически не подвергается сомнению, так это явная *предопределенность имени именуемым и известная зависимость именуемого от имени*. Вот уж поистине, диалектика вездесуща.

Что именует политическая экономия и что станет с именуемым, если это имя будет утеряно? В угоду кому и чему вопреки отечественной научной традиции это имя пытаются предать забвению? Не сопровождаются ли настойчивые попытки «прощания» с политической экономией невосполнимыми утратами для всей экономической науки, и не оборачиваются ли эти утраты провалами в экономической практике? Риторический вопрос. Политическая экономия – отнюдь не новорожденный и несмышленный ребенок, но так же нуждается в поддержке, апологии и защите. Главные средства защиты и наступления известны – уважение к прошлому, приверженность идеалам, творческое развитие, открытость в мир и будущее.

Имя собственное и широкий смысл

Анализ исследований и публикаций. Как известно, в разных странах фундаментальную экономическую науку (ФЭН) называют по-разному: *экономика* – в Греции и Испании, *политическая экономия* – во Франции, *учение о народном хозяйстве* – в Германии, *учение о хозяйстве* – в Финляндии, *национальная экономика* – в Турции и Швеции, *экономикс* – в США¹. На постсоветском пространстве на смену термину «политическая экономия» пришли другие. За право именовать фундаментальную экономическую науку конкурируют термины «экономическая теория», «общая экономическая теория», «теоретическая экономика», «экономико-теоретическое знание», «теория экономической науки» и др.² Разумеется, это не случайно.

Во-первых, кардинальные общественные сдвиги рубежа II и III тысячелетий, изменившие судьбы государств и народов, не были предсказаны наукой, а предложенные научные объяснения и прогнозы трудно признать удовлетворительными, а тем более, исчерпывающими. Мир становится сложнее, а потому должна изменяться и усложняться ФЭН. Правда, указан-

¹ Речь идет, разумеется, о преобладающей традиции, а не обо всей палитре названий.

² Не остался в стороне от поиска нового имени и автор этих строк (см., например: [1]). Было бы неприлично отказываться от написанного, но также противно этосу науки останавливаться на достигнутом. При более внимательном рассмотрении термин «экономическая теория» оказывается *наиболее условным* из всех перечисленных. Разумеется, любое имя сложного именуемого условно в том смысле, что не в состоянии исчерпывающим образом отразить содержание именуемого. Однако любая условность не должна быть беспредельной, – имя собственное не должно выходить за содержательные границы именуемого, а, оставаясь в этих границах, должно представлять сущностные аспекты содержания именуемого. В этом контексте утверждаемое термином «экономическая теория» *отождествление* науки и теории является по меньшей мере некорректным. Наука неизмеримо богаче теории, теория – один из многочисленных элементов науки.

ные сдвиги не повлекли за собой массовых попыток изменить ее традиционное имя в странах за пределами постсоветского пространства.

Во-вторых, образование и становление новых независимых государств на этом пространстве, активные усилия по формированию национальных версий ФЭН сопровождаются не только стремлением обогатить традиции, но и дистанцироваться от советской политической экономии, «свести счеты» не только с ее известными негативами, но с ней самой. Но разве политическая экономия – это исключительно советский продукт? Разве правомерно отождествление науки с учебными курсами?

В-третьих, несмотря на официозный привкус сталинизма и догматизма, советская политическая экономия, в особенности ее творческая составляющая, была марксистской, а потому – антикапиталистической. Новые «хозяева заводов и пароходов» не могут примириться с присущими ей социально-классовым подходом, видением тайн капиталистической эксплуатации наемного труда, альтернативным взглядом на будущее человечества. Разумеется, им нужна «чистая» экономическая теория, свободная от критического марксизма. Какая уж здесь политическая экономия?

Являются ли эти причины достаточными для *абсолютного исключения* политической экономии из «списка» имен собственных ФЭН? Да, являются, но только для тех, кто готов на выгодную себе «резекцию» «духа и плоти» ФЭН, ее оскотление и контролируемое плавание. На мой взгляд, *сохранение за политической экономией права именовать фундаментальную экономическую науку* диктуется не только научными стандартами свободомыслия, плюрализма, непредвзятости и объективности, служения истине, а не злату. Она имеет это право *по факту рождения*, ибо самостоятельно избрала свое имя, *качеству содержания*, ибо в поте лица его создала, генетически заложенному *соответствию духу нашего времени*, ибо ее проблематика как никогда современна. Я не против иных имен собственных, но только научно обоснованных и выстраданных. Впрочем, слухи о смерти политической экономии весьма преувеличены. **Целью статьи** является обоснование современного взгляда на широкий смысл политической экономии.

Результаты исследований. Вслед за Ф. Энгельсом в профессиональном научном экономическом сообществе принято считать, что *политическая экономия в широком смысле* изучает не только капиталистический, но и все иные способы производства. Эту позицию трудно оспорить, тем более отбросить «за ненадобностью». Но исчерпывается ли ею понимание широкого смысла политической экономии?

Если бросить *ретроспективный взгляд* на человеческое знание, то невольно убеждаешься в его универсумном характере. Универсумом в том смысле, что оно – суть процесс и результат постижения человеком всех и каждой из сфер жизнедеятельности или универсума – экологической, экономической, социальной, духовной, политической. Поскольку указанные сферы взаимодействуют, «сшиты тысячами нитей», интегрированы, то и соответствующие виды знания – экологическое, экономическое, социальное, духовное, политическое, – едины в не меньшей мере, чем обособлены. Более того, экономика или экономическая сфера жизнедеятельности, впрочем, как и любая иная, не может быть адекватно постигнута сама из себя, вне универсумного онтологического и гносеологического контекста.

Экономическое знание универсумно и интеграционно по факту своего рождения из изначально синкретичного и целостного универсумного. Это означает, что с момента рождения и «на всю оставшуюся жизнь» в генетическом коде политической экономии запечатлены потенции *целостности, универсумности, интеграционности, склонности к интеллектуальной экспансии и восприимчивости к неэкономической мысли и чувству, полилогу со знанием экологическим, социальным, духовным и политическим*. В политической экономии, как в капле воды, сконцентрировано богатство океана универсумного и экономико-универсумного знания. Это ли не широта и глубина?

Несколько *сузим ретроспективу*. Экономическое знание как относительно самостоятельная реальность структурируется по разным признакам. Прежде всего, имея в виду характер и результаты постижения, выделяют *научное и вненаучное* экономическое знание. Последнее поражает своим разнообразием, включая, по крайней мере, мифологическое, религиозное, народное, художественное, магическое, экстрасенсорное, эко- и экзотерическое. Научное экономическое знание рождается из вненаучного и активно с ним взаимодействует.

Столетиями сосуществуя с ненаукой в утробе матери – *философии*, политическая экономия впитала «в плоть и дух» и сохранила по сию пору (в отличие от рафинированного позитивизма) узы родства с ней, уникальные и все еще не используемые в полной мере каналы общения и взаимообогащения. Родившись наукой и избрав себе имя собственное, *политическая экономия* осталась философией, но уже в новом качестве – *философии экономической науки*. Поэтому политическая экономия в широком смысле предполагает активный полилог с философией и вненаучным знанием, козволюцию и взаимообогащение. Этой традиции были верны выдающиеся философы и политэкономы-классики – А. Смит, Дж.Ст. Милль, К. Маркс. Вправе ли отказываться от нее их ученики и последователи?

Новорожденная политическая экономия в известном смысле синкретична, – ее *фундаментальная* и *прикладная* составляющие выделяются позже. И как бы современные многочисленные экономические науки – и фундаментальные, и прикладные – ни гордились своей самостоятельностью и величием, у них одна, *общая* кровная мать – политическая экономия. Именно она передала своим детям, внукам и правнукам выстраданные ею *базовые постулаты научности*, которые позволяют отделить научные зерна от псевдонаучных плевел: а) четкое разграничение *объекта* и *субъекта* познания, допущение рассмотрения субъекта познания как его объекта, а объекта как субъекта; б) поиск и определение *объективных законов* движения *объекта* и на этой основе *предвидение* возможного *будущего состояния* объекта и его *изменений*; в) изучение объектов *безотносительно* к их *сиюминутной* актуальности и практической значимости. Указанные объекты могут быть предметом массового практического освоения в *неопределенном будущем*. Разумеется, это не означает, что политическая экономия «равнодушна» к практике. Напротив, именно она впервые постулировала практику как критерий истины, а также базовые *праксеологические* императивы (активность, интенциональность, фокусировка и др.); г) специальная подготовка *субъекта* познания, освоение им элементов и операций научной деятельности, а также ее *аксиологии*, *этоса* (особых ценностных ориентаций и этических принципов – добросовестность, толерантность, стремление к новизне, верховенство истины, недопустимость плагиата и др.); д) особый *язык*, специальная *аппаратура*, *техника* и *технология* как особые *средства* научного познания; е) ключевой *продукт* (результат) научной деятельности – *сущностное, новое и истинное знание*; ж) формирование *знания о методах* научной деятельности, а в более широком плане, – *методологии* научного познания, саморефлексии науки [2].

И если кто-либо из потомков по каким-либо причинам не следует указанным постулатам, виновата ли в этом политическая экономия? Напротив, она предусмотрела и своеобразные варианты контроля, предохраняющие от девиантного поведения. В частности речь идет о *саморефлексии* экономической науки. Именно политическая экономия – пионер ее (саморефлексии) первого этапа, представленного историей экономических учений, – пусть преимущественно эмпирического, описательного, но крайне важного, ибо в нем заключены потенции этапов последующих – *научной* и *философской* саморефлексии. Трудно себе представить, чтобы политическая экономия отказалась от миссии их освоения, возложив ее исключительно на своих детей и внуков. К тому же она обладает особыми материнскими правами, возможностями и мудростью, чтобы наладить диалог между ними, *фрагментацию* и *дифференциацию* экономического знания уравновесить *интеграцией* и *синтезом*.

Итак, широкий смысл политической экономии отнюдь не одномерен. Он имманентен всем ключевым срезам экономического знания – онтологическому, гносеологическому, аксиологическому и праксеологическому. Разумеется, не является исключением и предметная проблематика.

Предметное пространство

Контуров общественного производства и воспроизводства жизни как объекта научного познания очерчены уже в рамках *экономической прапарадигмы*. Элементы предмета науки присутствуют и в экономике, описывавшей главным образом натуральные формы богатства, и в хрематистике, занимавшейся проблемами умножения имущества и денежного богатства, и в средневековых теологических описаниях хозяйственной практики. Однако только в рамках *меркантилистской парадигмы* трактовкой *богатства* как создаваемой, потребляемой и накапливаемой массы благ, с одной стороны, и как массы денежных средств – с другой, впервые

обозначены *границы предметного пространства* еще только *рождающейся* науки. Последняя получает имя «*политическая экономия*» не случайно. Насущная практическая потребность стимулировала изучение проблематики национального богатства, и прежде всего в сфере обращения. Здесь достаточно чётко выделяются два предметных уровня, известные в истории экономических учений как система денежного и торгового баланса, успешно применяется достаточно отработанный описательно-эмпирический инструментарий.

Бурный старт индустриализма инициировал изучение проблематики трёх относительно самостоятельных составляющих (форм) богатства – стоимостной, полезностной и социальной. Тем самым в контурах предметного пространства чётко обозначились основные *предметные направления* – стоимостное, полезностное, социальное, которые во многом определяют статус соответствующих частных парадигм.

В эпоху *раннего индустриализма* активнее разрабатывается стоимостная парадигма и *стоимостное предметное направление*. В его исторической эволюции с известной долей условности можно выделить три предметных уровня. Для *первого* уровня, господствовавшего вплоть до возникновения классических учений, характерны выделение и осмысление стоимостных форм богатства и первичных абстракций (цена, деньги, стоимость, прибыль и др.), а также видимых взаимосвязей между ними. *Второй* уровень связан с исследованиями экономистами-классиками природы, причин и источников стоимостного богатства посредством активного использования методов индукции, дедукции, восхождения от абстрактного к конкретному. Гносеологический скачок от конкретных видов труда к труду вообще как первоисточнику богатства означал обретение теорией трудовой стоимости адекватной себе научной основы. Для *третьего* уровня характерен акцент на социально-экономической проблематике богатства и отношениях между людьми в воспроизводстве жизни. Последовательный историзм и диалектичность учения К. Маркса обеспечили теории трудовой стоимости и стоимостной парадигме внутреннюю целостность и завершённость. Процесс последующего двоякого отрицания последней – негативного (в рамках сталинизированного марксизма-ленинизма) и позитивного (в рамках научной традиции социал-демократии и творческого марксизма) – присущ не только теоретической системе капиталистических производственных отношений, но и иным *предметным областям* рассматриваемого уровня, а именно: области социалистических производственных отношений, области производственных отношений в переходных обществах, а также области производственных отношений во всемирном хозяйстве.

В эпоху *позднего индустриализма* в развитых странах доминирует разработка не стоимостной, а полезностной парадигмы. Гносеологическим стержнем последней является *полезностное предметное направление*, связанное с исследованием многосторонней проблематики *полезностной формы богатства* (полезностного богатства). Для *первого* предметного уровня указанного направления характерно эмпирическое описание и первичное осмысление содержания полезностного богатства как совокупности экономических благ, предназначенных для потребления, выделение его основных форм и первичных абстракций (блага, полезность, потребность и др.). *Второй* предметный уровень представлен исследованиями природы, источников и причин полезностного богатства. Здесь достаточно определённо можно выделить две предметные области: *первая* изучается главным образом в трудах поздних классиков, обосновавших теории факторов и издержек производства, в рамках *второй* абстрактно-логический анализ полезностной составляющей богатства с позиций субъекта-потребителя привёл к созданию теории предельной полезности.

Дальнейшее развитие полезностной парадигмы опирается на попытки синтезировать позднеклассические и маржиналистские теории и соответствующий им методический инструментарий. Именно поэтому *третьему* предметному уровню присуще комплексное исследование богатства как средства удовлетворения потребностей и как результата усилий с позиций экономического рационализма, причём *микроэкономические* аспекты исследования представлены первой предметной областью, *макроэкономические* – второй. Проблематика указанных областей известна по англо-американским учебникам. Её ядро – выбор наиболее эффективного варианта сочетания и использования редких ресурсов для производства благ с целью удовлетворения человеческих потребностей. Известно и то, что результатом взаимодействия микро- и макроэкономики явились «неоклассический синтез» и современная экономика. Толь-

ко в середине XX ст. под предложенное А. Маршаллом новое название фундаментальной экономической науки подведена соответствующая теоретическая база. Соответствующая в том смысле, что в *economics* рассматриваются по преимуществу не причинно-следственные и генетические, а функциональные и десоциализированные связи. Отсюда её известный инструментализм и операциональность. Ее содержание во многом ограничено лишь полезностной парадигмой и является в известном смысле продуктом достижения ею определённой целостности и завершённости.

Социальная форма богатства, исследуемая в рамках *социального* предметного направления и являющаяся своеобразным центром кристаллизации элементов социальной парадигмы, по «возрасту» вряд ли уступает стоимостной и полезностной формам. Достаточно упомянуть разработки немецкой исторической школы и «Экономическо-философские рукописи» К. Маркса. Но возникновение и развитие его *первого* предметного уровня, вероятно, связано с появлением эндогенных (по отношению к экономическим) социальных подходов наряду с экзогенными, включением в поле зрения ученых новых для политической экономии объектов – экологической, социальной, духовной и политической сфер жизнедеятельности в их непосредственной связи с экономической, иными словами – экономико-экологической, экономико-социальной, экономико-духовной и экономико-политической сфер. В гносеологическом плане указанный предметный уровень представлен богатой проблематикой *социально-институционального* направления мировой экономической мысли, *неэкономического империализма* в различных формах: институциональная экономика, эволюционная экономика, физическая экономия, экономическая социология, нейроэкономика и др.

Логическим завершением формирования указанного предметного уровня могло бы стать признание научным сообществом *человека-личности* (а не homo oeconomicus) в качестве *ведущей составляющей богатства*. Вероятно, указанный предметный сдвиг адекватен *раннему постиндустриализму*, выходит за пределы *экономической метапарадигмы*³ и осуществим лишь в рамках *гуманистической метапарадигмы*. Это верно и в отношении *второго* предметного уровня, посвящённого изучению природы, источников и причин социального богатства. В содержательном плане они далеки от окончательной определённости. Сейчас можно лишь предположить, что чем далее, тем более политическая экономия в широком смысле будет иметь дело с очеловечивающей деятельностью. В связи с этим весьма перспективными представляются исследования в трёх взаимосвязанных предметных областях.

Для *первой* характерно изучение человека как индивидуальности в системе связей с самим собой в процессе самодетельности. В центре внимания *второй* предметной области – общественный человек в системе отношений в процессе очеловечивающей деятельности. *Третья* охватывает проблематику деятельного общественного человека во взаимосвязях с универсумом. Фундаментальная разработка указанной проблематики позволит в перспективе приблизиться к *третьему* предметному уровню, который, на мой взгляд, будет связан с комплексным осмыслением эволюции деятельного человека как противоречивого триединства индивидуального, ассоциированного и универсального.

Многообразие, известной хаотичности и неструктурированности содержания социального направления отвечает пестрота методологического инструментария. Во-первых, конкре-

³Экономическая метапарадигма представляет собой определенный синтез стоимостной, полезностной и ряда элементов социальной частных парадигм. Хотя их предметные и содержательные направления различны, расположены они в едином предметном и содержательном пространстве, ограниченном проблематикой богатства как совокупности товаров и благ, детерминированном в конечном итоге индустриальным трудом. Однако последний так и не стал адекватной основой социальной парадигмы. В сочетании с иными факторами это не позволило ей обрести целостность и общую теорию в индустриальную эпоху, но не помешало интегрировать некоторые стоимостные и полезностные теоретические положения и методический инструментарий.

Социальная парадигма адекватна новой, *гуманистической метапарадигме*, призванной отразить тенденции и достижения «царства свободы» – гуманизации, социализации, интеллектуализации, экологизации, свободного развития каждого как условия свободного развития всех (К. Маркс).

тизируются и обогащаются традиционные эмпиризм, описательно-статистические методы, исторический и социологический подходы. При этом отнюдь не безусловным становится отрицание дедукции и причинно-следственного анализа. Во-вторых, очевиден сдвиг от технологического и экономического детерминизма к междисциплинарному анализу, опирающемуся на достижения многих гуманитарных наук. В-третьих, расширяется использование подходов, характерных для естественных наук – биологии, термодинамики и др. Всё это свидетельствует об интенсивных поисках методов, адекватных изучению именно социальной формы богатства. Насколько они окажутся плодотворными, покажет будущее.

Таким образом, оставаясь *наукой о богатстве*, политическая экономия в широком смысле эволюционирует в направлении расширения и усложнения его проблематики. В ответ на новые объективные реалии изменяются её доминирующие парадигмы, предметные составляющие (направления, уровни, области), методы, названия. Упрощенные трактовки указанных изменений – в смысле прекращения существования одной предметной составляющей и абсолютного господства приходящей ей на смену иной, – представляются неприемлемыми. Гносеологическая палитра гораздо сложнее. Подобно идеям, указанные составляющие не умирают, оставаясь самооценными и общезначимыми, изменяются лишь их положение и роль в предметном пространстве, содержание, характер и формы их взаимодействия.

Наряду с фрагментацией и дифференциацией всё более значимой становится тенденция к интеграции различных и продолжающих конкурировать направлений и школ политической экономии в широком смысле, к преобладанию синтетических и комплексных подходов в исследованиях социально-экономических реалий. В связи с этим представляется правомерным предположение о формировании в предметном пространстве политической экономии в широком смысле особого *синтетического направления* исследований, в котором с известной долей условности целесообразно выделить три основных уровня. *Первый* представлен комплексными и синтетическими учениями Й. Шумпетера, М. Туган-Барановского, Н. Кондратьева. Для *второго* уровня характерно сочетание, синтез отдельных составляющих стоимостного, полезностного и социального направлений. Примером может служить предметное содержание экономической метапарадигмы. *Третий* уровень связан с поисками возможностей интеграции результатов научных исследований и некоторых научных и вненаучных практик человекознания, имеющих дело с человеческим бессознательным и подсознательным.

Комплексное исследование накопленного научного потенциала есть необходимое, но недостаточное условие адекватного научного отражения современных *переходных экономических процессов* – и глобальных, характерных для мировой цивилизации в целом, и локальных, охвативших отдельные регионы мира и страны. Формой движения противоречия между масштабами и глубиной указанных процессов и уровнем их фундаментального теоретического отражения может стать разработка *экономической теории переходного общества* как неотъемлемой составляющей политической экономии в широком смысле, исследующей *особое направление* проблематики богатства – его *переходные формы*. Речь идёт, прежде всего, о мировом сообществе, в котором доминируют переходные, а не стационарные процессы (*первый* предметный уровень). Особенности социально-экономического развития новых независимых государств могут найти отражение в разработке переходного варианта социализированной экономической метапарадигмы. Адекватным ей является предметный уровень (*второй*), представленный проблематикой переходных форм богатства в противоречивом триединстве его основных составляющих – стоимостной, полезностной и социальной. Имеющиеся теоретические разработки делают правомерным предположение об императивах выделения в его (уровня) рамках четырёх предметных *областей* – теоретико-методологической, микро-, макро- и мегаэкономической. Очевидно, первая посвящена рассмотрению общих основ, закономерностей и тенденций переходного общества и переходной экономики, а последующие три – изучению специфики проявления этих общих основ на микро-, макро- и мегаэкономических уровнях, а также особенностей относительно самостоятельного движения и взаимодействия переходных процессов в пределах каждого из указанных уровней национальной экономики.

Итак, предметное пространство политической экономии в широком смысле является единым и в значительной мере структурированным (табл. 1). Вместе с тем ему присущи незавершенность и открытость: и эндогенная – «белые пятна» встречаются даже в хорошо из-

вестных направлениях, уровнях и областях, и экзогенная – во-первых, критерии структуризации могут быть иными, а во-вторых, нужно учитывать и мощную экспансию иных наук и вне-научных практик. К примеру, в рамках второго уровня *синтетического предметного направления* может быть выделена особая область, представленная *экономической синергетикой*. Ее объект – экономическая система как сверхсложное самоорганизующееся и саморазвивающееся человекообразное образование, эволюционирующее в рамках универсума. Среди наиболее актуальных целесообразно выделить такие ее предметные проблемы, как экономическая синергия и диссипация, метаболизм и отбор. Интеграция в рамках экономической синергетики системного, эволюционного, элевационного и других подходов важна не только для адекватного исследования ее собственной проблематики, но и в качестве важного инструмента изучения богатства как триединства стоимостной, полезностной и социальной составляющих, что чревато выделением его синергической составляющей.

Начавшийся в 80–90-е гг. XX в. и продолжающийся поныне методологический бум и связанная с ним интенсивная разработка проблематики методологии и философии экономической науки, прогресс истории экономических учений и экономической истории свидетельствуют об обретении научной экономической саморефлексией статуса *интеллектуального предметного направления* политической экономии в широком смысле. Впрочем, эта проблематика требует специального осмысления и обсуждения.

Таблица 1

Строение предметного пространства политической экономии в широком смысле

ПРОСТРАНСТВО				
Содержание	Направления	Уровни	Области	
Б О Г А Т С Т В О	Стоимостное (стоимостная форма богатства)	I – стоимостные формы богатства и видимые связи между ними		
		II – причины и источники стоимостного богатства		
		III – социально-экономическая проблематика богатства, отношения людей в производстве жизни	Производственные отношения:	1) капиталистические 2) социалистические 3) в переходных обществах 4) во всемирном хозяйстве
	Полезностное (полезностная форма богатства)	I – полезностные формы богатства и первичные абстракции		
		II – причины и источники полезностного богатства как совокупности экономических благ	1) теория факторов производства и триединный источник богатства 2) теория предельной полезности. Полезностное богатство с позиций субъекта-потребителя	
		III – богатство как средство удовлетворения потребностей и как результат усилий	1) микроэкономические аспекты богатства 2) макроэкономические аспекты богатства	

Продолжение табл. 1

ПРОСТРАНСТВО			
Содержание	Направления	Уровни	Области
Б О Г А Т В О С Т В О	Социальное (социальная форма богатства)	I – выделение социального богатства из экономического. Человек-личность как главная составляющая богатства	
		II – причины и источники социального богатства. Очеловечивающая деятельность как его субстанция	1) человек как индивидуальность в процессе самостоятельности 2) общественный человек в процессе очеловечивающей деятельности 3) общественный человек во взаимосвязях с универсумом
		III – деятельный человек как противоречивое триединство индивидуального, ассоциированного и универсального	
	Синтетическое	I – учение Й. Шумпетера, М. Туган-Барановского, Н. Кондратьева	
		II – сочетание, синтез различных аспектов и форм богатства	
		III – возможности интеграции результатов научных исследований и ненаучных практик	
		IV – переходные процессы в глобальной и региональных экономиках	
		V – переходные процессы в национальной экономике	1) теория и методология переходной экономики 2) переходная микроэкономика 3) переходная макроэкономика 4) переходная мегаэкономика
	Переходные формы богатства		

Выводы и перспективы дальнейших исследований. Таким образом, политическая экономия в широком смысле не только исторична, но и вполне современна, открыта в будущее и в таком качестве вправе претендовать на то общее, что отличает ее от детей и внуков и что роднит ее с ними. Диалектике общего, особенного и единичного следуют все науки⁴. Не пора ли признать это и ученым-экономистам? Разве политическая экономия в широком смысле⁵ имеет меньше прав на то, чтобы ее именем собственным именовалась наша наука, чем, к примеру, экономическая теория или теоретическая экономика? Согласимся, – отнюдь не меньше.

⁴Например, химия является признанной матерью многочисленных химий – общей, неорганической, органической, коллоидной, физической и т. д., соотносится с ними как общее с особым и единичным. Это верно для математики, физики, биологии, географии, психологии и т. д.

⁵Признание политической экономии в широком смысле актуализирует проблематику политической экономии в узком смысле. До соответствующих исследований можно предполагать существование нескольких таких узких смыслов, представляющих особые аспекты общего. Например, активно развивающиеся «новая политическая экономия», «институциональная политическая экономия» и «глобальная политическая экономия» могут быть охарактеризованы как особые области и/или направления политической экономии в широком смысле.

Список использованной литературы

1. Тарасевич В.Н. О предмете экономической теории / В.Н. Тарасевич. – Днепропетровск: Січ, 1997. – 113 с.
2. Тарасевич В.Н. Апология экуники (об экономическом научном и универсумном знании) / В.Н. Тарасевич // Экономическая теория. – 2011. – № 1. – С. 5–6.

Розглядаються різні виміри широкого сенсу політичної економії, визначається склад и будова її предметного простору в парадигмальному контексті.

Ключові слова: політична економія, ім'я, широкий сенс, предметний простір, напрям, рівень, сфера.

The different dimensions of political economy broad sense are reviewed, composition and structure of its subject space at paradigm context is defined.

Key words: political economy, name, broad sense, subject space, direction, level, district.

Надійшло до редакції 23.04.2012.